

Опасные спикеры

Статья иерарха Сербской Православной Церкви епископа Бачского Иринея.

В эти честнейшие дни Святой и Великой Четыредесятницы мы обычно молимся, в числе прочего, чтобы Господь нас сохранил от духа празднословия, а даровал нам дух смиренномудрия, терпения, любви и неосуждения ближних.

Поэтому вот уже несколько дней я не решался прокомментировать подписанное Преосвященным епископом Западноамериканским Максимом «Сообщение Западноамериканской епархии по поводу всеправославного сослужения в 2019 году», опубликованное, между тем, на ряде сайтов (например, rouke.org 15 марта 2019 года) и распространённое Информационной службой Сербской Православной Церкви (16 марта 2019 года).

Однако в конце концов я всё же решил высказаться, причём с единственной целью – чтобы привлечь внимание к некоторым неточностям и ошибочным утверждениям, содержащимся в том сообщении.

Здесь менее всего важны спикеры, будь они убогие или опасные, но важно, чтобы имеющиеся огромные проблемы в жизни мирового Православия, виновники которых небезызвестны, не замалчивались и не минимизировались, и чтобы при этом главную вину не сваливали на спикеров «странной позиции», которые «где-то утверждают, а где-то намекают, что Сербская Церковь якобы рекомендует уклоняться от общения с теми, с кем мы до сих пор пребывали в общении», и таким, неприемлемым образом, поддерживают «уклонение в неканоническое отпадение от евхаристическо-иерархического общения и единства с остальными Православными Церквями...»

Да простят мне сильное выражение, но у меня непреодолимое впечатление, что Преосвященный автор этих высказываний сознательно затуманивает и выворачивает факты. Картина, которую он рисует, – это картина идиллии, которая находится под угрозой неких чудаков, которые на ровном месте готовы устроить прекращение общения, неканоническое разделение и расторжение единства. Однако горькая реальность – совершенно иная.

Спикеры лишь доводят до общественности – или связно, или неудачно – позицию и решения тех учреждений, которые им доверили эту обязанность.

В нашем конкретном случае, это – позиция и решения Священного Архиерейского Собора

Сербской Православной Церкви от мая и ноября прошлого года (письмо Собора Вселенскому Патриарху Варфоломею, № 1163 от 13 августа 2018 года, и сообщения Собора от 10 мая и 12 ноября 2018 года), а также их дальнейшее развитие и применение этой позиции Священным Архиерейским Синодом (синодальное письмо на ту же тему № 4 от 6 февраля 2019 года и сообщение синодальной канцелярии от 13 марта 2019 года).

Все эти заявления и решения были продиктованы развитием «ситуации на местах», то есть появились в условиях уже прекращённого общения между некоторыми Поместными Православными Церквами – в отсутствие, тем самым, полного единства, которое является первым признаком Церкви (*nota Ecclesiae*).

Обращаю внимание читателей, что по вопросу церковного кризиса на Украине Собор был единодушен: не имело место ни голосования, ни особых мнений, которые вносятся в служебном порядке в протокол заседания Собора. Точно так же единогласными были и все решения Синода по данной теме, а также звучавшие на его заседаниях оценки событий и их действующих лиц. Просто-напросто не было, да и не могло быть безответственных утверждений и субъективных намёков спикера, упомянутых Владыкой Максимом. Это то, что можно сказать о «странной позиции» неназванного, но подразумеваемого спикера, а сейчас перейдём к высказываниям самого Владыки Максима.

Он говорит, что спикер приписывает нашей Церкви уклонение от общения «с теми, с кем мы до сих пор пребывали в общении».

Это вообще неточно.

Священный Синод (а не спикер) не говорит о тех, с кем находимся в общении сейчас и с кем будем, с Божией помощью, находиться в общении и единстве в дальнейшем, а указывает на украинских раскольников, лишённых сана, отлучённых от Церкви и, более того, анафематствованных, которые затем ненадлежащим образом и неканонически, одним росчерком пера, провозглашены истинными епископами, а их структура – истинной Церковью, притом первой в истории, которая, появившись, сразу же стала автокефальной.

Вместе с тем Синод напоминает и элементарное каноническое правило, гласящее, что с таковыми нельзя вступать в общение и что те, кто так поступает, сами себя присоединяют к отлучённым. Нужно ли цитировать каноны, которые о том говорят? Невозможно, чтобы Владыка Максим не о них слышал; возможно лишь одно – что он не желает о них слышать.

Спрошу его прямо: стал ли бы он, следуя примеру некоторых (не всех!) представителей Великой

Церкви Христовой в Константинополе, сослужить с гражданами Денисенко, Думенко и Малетичем, которые отликаются на имена Филарет, Епифаний и Макарий? Не ожидает ли он их сторонников на «всеpravославном сослужении»? Кто он: член Собора сербских епископов или «вольный стрелок»? Если бы он объяснил, что больше придерживается линии поведения Святейшего Патриарха Варфоломея, нежели позиции Поместных Православных Церквей, из которых ещё ни одна не признала новоформированную «церковную» структуру на Украине, ни одна не сослужит с её главарями и не поминает на Божественной Литургии Епифаниево имя, тогда я бы задал ему следующий братский вопрос: почему бы ему тогда не сослужить и с Мирашем Дедеичем, самопровозглашённым «предстоятелем» фантомной «Черногорской православной церкви»? Ведь канонический статус последнего такой же, как и у его украинских собратьев по расколу, он – изверженный из сана священник, рукоположенный лишённым сана епископом.

Его признают и с ним служат лишь Денисенко и Думенко и никто больше в мире. Если для них это приемлемо, тогда и для него!

Далее, наш Священный Синод не выражал намерения «порвать общение с теми, с кем пребывали до сего дня в общении», но принял решение о неприемлемости вступления в общение с лжеепископами и лжеклириками – нераскаявшимися, но зато щедро награждёнными раскольниками (причём это – исторический прецедент) и рекомендует избегать общения с теми, кто их признаёт. Притом рекомендует проявить также рассудительность, терпение и неспешность – одним словом, рекомендует следовать пути церковной икономии, за который, в сущности, выступает и сам Владыка Максим. Однако, в отличие от него, Синод не пренебрегает и не может пренебрегать принципом канонической акривии, то есть правом всякого православного епископа, клирика и христианина на следование положительным каноническим нормам. Сам Господь наш учил, что «сие надлежало делать, и того не оставлять».

Акривия и икономия суть два метода с одной и той же целью – спасением, которое всегда представляет собой соборную, церковную реальность, а не индивидуальное достижение, что Владыка Максим знает, ибо имеет, от кого научиться (от великих богословов, конечно, а не от какого-то спикера).

Далее, где здесь «уклонение в неканоническое отпадение от общения»? Всё в точности наоборот: на самом деле прилагаются усилия, чтобы любым способом такого уклонения избежать.

Далее: перечисляя Церкви, с которыми мы находимся в общении, Преосвященный богослов мудро умалчивает о порошковской «Православной церкви Украины». Как он считает: существует она на самом деле или не существует? Может ли существовать Церковь, которую признаёт и с которой имеет литургическое и каноническое общение лишь одна Поместная Церковь, будь это даже и

Константинопольский Патриархат, а остальные тринадцать автокефальных Церквей de facto не признают – самым тем, что не находятся с ней в общении? И где здесь каноническая Украинская Православная Церковь?

Существует она для Фанара или не существует? Могут ли на одной территории параллельно существовать две Церкви, притом обе законные и признанные? Может ли одна-единственная Церковь принимать решение о статусе некой Поместной Церкви, в особенности о её автокефалии, или всё же важным условием представляется также и всеправославная рецепция?

Знает ли Владыка Максим о всеправославно принятой позиции о способе получения и провозглашения автокефалии? Эта позиция была давно опубликована в Шамбези как официальный материал для Собора на Крите, но из повестки дня этого Собора была вовремя ловко удалена, причём в одностороннем порядке, не спрашивая о мнениях и пожеланиях остальных Церквей, участвовавших в Соборе.

Сегодня, после событий на Украине, мы можем сделать вывод, почему эта тема заранее удалена из повестки дня Критского Собора.

Все эти вопросы сводятся к одному: имеется ли в Православии, кроме Вселенского Собора, действующее лицо с надъюрисдикционной властью? Является ли Православная Церковь монархической, по аналогии с папской системой, или же, соборной, как нам о том свидетельствует Новый Завет и всё её история до сего дня?

Кто же на самом деле вызвал раскол? Тот, кто поступает по-своему или все остальные, кто этого не одобряют? В XI веке четыре Патриархата отделились от Рима или сам Рим отделился от них? Украинский раскол не только не преодолён, но – употребим близкий и дорогой для Владыки Максима термин – эволюционировал в великий раскол между Москвой и Фанаром.

Но и до этого подобные искушения случались. Две древнейшие, апостольские Церкви – Иерусалимская и Антиохийская – уже несколько лет пребывают в разрыве общения. Сербская Церковь, включая и её бедного спикера, делала и тогда всё, что могла, чтобы этот спор загладить и восстановить единство. Причины неудачи следует искать по другому адресу. Подобным же образом наша Церковь – при скромном участии и её убогого спикера – поступала и в целях решения проблемы церковной юрисдикции в Эстонии и раскола Церкви в соседней Болгарии. Сербская Церковь и свыше столетия тому назад, когда Фанар признал неправославное советское учреждение – «Живую Церковь» – и «обновленцев», была на стороне канонического порядка, на стороне патриарха Тихона, который ныне всеми, включая и сам Фанар, прославлен как святой исповедник веры.

Никогда Сербская Церковь не была ни за Москву против Константинополя, ни за Константинополь против Москвы, но всегда выступала, как и сегодня, за православную еkkлезиологию и за вековой канонический церковный порядок. [Сербская Церковь] никогда не поддерживала этнофилетизм, то есть патологический псевдоцерковный шовинизм. Она не признавала его [правильным] ни в ситуации с болгарским расколом в 19 веке, ни в случае так называемого македонского раскола в 20 веке; не признаёт его и теперь, когда лично Патриарх Варфоломей произнёс крайне этнофилетическую фразу о том, что православные славяне завидуют первенству в Православии ромейского (эллинского, греческого) рода и потому сопротивляются начинаниям Фанара на территории Украины. Он, к сожалению, упускает из виду, что, по святому апостолу Павлу, в Церкви нет ни эллина, ни иудея, ни скифа (славянина), ни варвара, но все мы, как и один человек, едины во Христе Богочеловеке, и что все мы составляем православный единый род христианский, «святой род» и «народ избранный».

Среди авторов, для которых греческий язык является родным, имеется, впрочем, немало таких, кто критикуют весь этот эксперимент и всю эту авантюру Вселенского Престола, причём иной раз даже острее, чем делают это славяноязычные авторы. (Любопытно, какой критерий побуждает считать Ромеями православных только греческого происхождения, а меня и таких как я, даже мы если владеем греческим языком, – нет. А ведь ещё в дохристианскую эпоху эллиновство было известно не в качестве этнической, но, скорее, духовной и культурной категории).

И ещё один, совсем личный, вопрос: в самом ли деле мой брат по епископскому служению, владыка Максим, верит, что он уважает и любит нашу Мать Церковь, мученическую Великую Христову Церковь в Константинополе, больше, чем остальные: сербские, русские и какие бы то ни было ещё православные епископы, особенно из числа тех, кто критикуют деятельность её представителей на земле многострадальной Украины?) Может быть, ему придёт на память, что более заслуживающим доверия проявлением уважения и любви подчас является именно критика, а не соглашательство, поведение в стиле господина “Да” (тур. эвет-эфендия, серб. такојевић, аминач)?

Ещё раз, во избежание любых ошибочных толкований, напоминаю, что невозможно вступить в литургическое и каноническое общение с структурой, состряпанной из двух раскольнических фракций на Украине в канонически недопустимой интерпретации Патриарха Варфоломея и Петра Порошенко; напоминаю, что осторожность и дистанцирование, более раннее или более позднее, от протагонистов небывалой «легализации» раскольников не относится к Православным Церквам как таковым, а только к отдельным из них личностям – в надежде на то, что и эти личности пересмотрят своё поведение.

Прав был Преосвященный сербский епископ Западноамериканский, что на молитвенное собрание в Неделю Православия пригласил представителей всех канонических православных юрисдикций в США – включая, не знаю почему, и свою, Сербскую, Церковь, – но сожаления заслуживает факт, что отзовутся не все или, если случайно отзовутся, то не будут служить вместе, соборно. Можно сказать, что «всеправославное сослужение» есть ничто другое, как *pia desideria* (благочестивое желание) Владыки Максима.

Не принимая во внимание его похвальное любезное приглашение всех (если абстрагируемся также от его умолчания, каким образом он считает возможным убедить сослужить представителей Иерусалима и Антиохии или представителей Константинополя и Москвы), можно сказать, что сослужение о котором идёт речь, заведомо будет межправославным, а не всеправославным.

Епископ Западноамериканский – убеждённый сторонник взгляда на общество как плод эволюции от индивидуума к личности, и наоборот, и пламенный поборник единства Церкви, как и всеединства всего рода человеческого и всего творения – не может, далее, увидеть препятствие для осуществления этого идеала в каком-то спикере, то есть в его «странной позиции», произвольных утверждениях и безответственных намёках.

На самом деле, он хорошо знает, где и в чём препятствие, но, по своим причинам, не скажет.

Вот до всего этого мы опустились в своем свидетельстве единства и соборной природы нашей Церкви перед инославными христианами.

Это состояние, повторяю, не является ни желанием, ни «заслугой» Сербской Православной Церкви, которая богоугодным и каноническим образом, а не так, как это в другом месте представляет епископ Максим, получила автокефалию ровно восемь столетий назад, и которая с тех пор подтверждает свое духовное совершеннолетие. Этому состоянию не содействовали никакие «спикеры странной позиции».

В завершение, не могу не спросить: чьим – или, прежде всего, чего – глашатаем или спикером является мой молодой соепископ и сослужитель Владыка Максим?

Епископ Бачский Ириней

20 марта 2019 г.